

Секция «Литературный процесс и журналистика: история, критика, публицистика»
**Готическая ипостась образа преступника в эссеистике и классическом
английском детективе конца XIX-первой половины XX века**

Азарова Алина Дмитриевна

Студент (специалист)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет
журналистики, Москва, Россия

E-mail: Fleur757@yahoo.com

Несмотря на то, что еще Эдгар По, один из родоначальников классического детектива, называл свои повести «rationalizations», тематика и образный план произведений этого жанра обнаруживают не только интеллектуальную, но и архаическую грань: они восходят к готическому роману эпохи Просвещения и далее - к фольклорной демонологии. Эту тенденцию отмечают многие российские и зарубежные исследователи. Джон Кавелти говорит, что «готическая литература дала рождение детективному жанру», [Cawelty, 2004, p.329] далее утверждая: «поздние криминальные рассказы отражают готическое влияние в изображении тайны психологии преступника». [Cawelty, 2004, p.330] Майкл Кук в этой связи замечает: «Оглядываясь назад, можно легко разглядеть те особенности детектива, которые он унаследовал от готической литературы». [Cook, 2014, p.9]

В частности, образ преступника, о котором пойдет речь в нашем докладе, имеет две ипостаси - рациональную (преступник - сознательный участник интриги, строящий и реализующий планы, конечной целью которых является личная выгода, а тактической задачей - мистификация окружающих) и, условно говоря, демоническую. Последняя всегда присутствует в латентном виде и выходит на поверхность в кризисные моменты (например, при непосредственной угрозе разоблачения, при вторжении «случая» в безупречно выстроенный план и в целом под влиянием сильных аффектов). Часто за рациональной мотивацией у преступника проступают едва ли не животные страсти, болезненное увлечение какой-либо одной, навязчивой идеей, психологические комплексы. Внешне их симптомами служат эмоциональные срывы, подчеркнутая театрализация поведения, неоправданная жестокость. Демоническая природа преступника связана с его «инаковостью», чужеродностью: сам акт преступления общепринятого табу (прежде всего, запрета на человекоубийство) ставит его вне общества и активизирует силы, которые роднят его не с человеческим социумом, а с животным или потусторонним (загробным) миром. Буало-Нарсежак в этой связи отмечают: «Преступник готов на все, действие доведено до пароксизма — от начала и до конца. Злодей не просто находится вне закона, он чудовище. Он не способен рассуждать, он непонятен и тем ужасен. В полном смысле слова это *чужой*». [Буало-Нарсежак, 1990, с.8]

В докладе мы рассматриваем некоторые ипостаси, в которых преступник являет себя как демоническое существо, а именно:

1. Преступник-ревенант (дух-мститель, призрак);
2. Вампирическая ипостась образа преступника;
3. Оборотничество и звериные черты образа преступника;
4. Двойничество, преступник-фантом.

Кроме того, мы рассматриваем убийство как ритуальное действие, в ходе которого воспроизводятся определенные мифологические (прежде всего - христианские) сюжеты, а предметы (зеркала, одежда, куклы, надписи и т.д.) выступают в знаковой, а подчас и магической функции, сохраняя отголоски фетишизма.

Источники и литература

- 1) Буало-Нарсежак. Детективный роман // Как сделать детектив. Пер. с англ., франц., нем., исп. Послесловие Г. Анджапаридзе. М.: Радуга, 1990, с. 8.
- 2) Cawelti John G. Mystery, Violence and Popular Culture: Essays. The University of Wisconsin Press, 2004. P. 329-330
- 3) Cook Michael. Detective Fiction and the Ghost Story: The Haunted Text. Palgrave Macmillan, New York, 2014. P. 9